

12. ТФ ГИАОО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
13. ТФ ГИАОО. Ф. Р-745. Оп. 3. Д. 26. Л. 258.
14. Там же. Оп. 3. Д. 28. Л. 106.
15. Там же. Оп. 3. Д. 28. Л. 156–157.
16. ТФ ГИАОО. Ф. Р-291. Оп.1. Д. 5. Л. 4.
17. Там же. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об.
18. ТФ ГИАОО. Ф. Р-745. Оп. 3. Д. 44. Л. 34.
19. Там же. Оп. 3. Д. 44. Л. 39.
20. Там же. Оп. 3. Д. 82.
21. ТФ ГИАОО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.
22. Там же. Оп. 1. Д. 34. Л. 21 об.
23. Там же. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.
24. ТФ ГИАОО. Ф. Р-745. Оп. 3. Д. 54. Л. 39.

УДК 94(517.13)

Помыткина В. Л., *з. Тара*

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ УЧРЕЖДЕНИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ В г. ТАРЕ В 1920-е ГОДЫ

Вся жизнь человека подчинена календарю. Мы работаем и отдыхаем в соответствии с производственным календарём, аграрии придерживаются сельскохозяйственного календаря, дачники – лунного, у православных и мусульман свой календарь и т. д. Российская империя жила по юлианскому календарю, но, после смены власти в нашей стране и Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви 23 января (5 февраля) 1918 года, привязка гражданского календаря к церковному утратила свою актуальность. 26 января 1918 года советская Россия перешла на григорианский календарь. На протяжении первого десятилетия власти Советов происходило замещение привычных, традиционных праздников новыми – политически и идеологически правильными.

В царской России почти все праздники были религиозными и связанными с православным календарём. В советской же России

новая система ценностей отразилась в установлении в качестве праздничных дней значимых для страны событий. Праздничный календарь начал формироваться практически сразу после установления советской власти.

Главной целью новых праздников было разрушение религиозных традиций населения и формирование новой праздничной обрядности, наполненной идеологией советского государства.

Для того чтобы новые праздники прочно вошли в быт советского человека, необходимо было привить к ним интерес, сделать их коллективными, чтобы их ценности разделялись населением. Само проведение советских праздников рассматривалось как одна из форм идеологической борьбы и приравнивалось к политическим кампаниям. Все праздничные мероприятия тщательно готовились. Планы празднований разрабатывались агитационным отделом ЦК ВКП (б). А сценарии и подробная методика их проведения разрабатывались Наркомпросом. Выпускались специальные пособия, рекомендации по проведению советских праздников. На места рассылались директивные и циркулярные письма, обязательные для исполнения. Основным условием новых праздников ставилось широкая массовость, наполненность политическим содержанием и антирелигиозная пропаганда [1, л. 12].

Ведущую роль в формировании новой праздничной культуры играли учреждения просвещения. Были задействованы школы, библиотеки, избы-читальни, красные уголки, клубы, кружки, а также комсомол, женотделы, профсоюзы. Использовались разнообразные виды работы: громкие читки, митинги, шествия, карнавалы, ставились антирелигиозные спектакли, проводились антирелигиозные дни, недели, антирождественские и антипасхальные кампании. Большое внимание уделялось праздничному оформлению, стенгазетам, громким лозунгам.

В первое десятилетие советской власти новые праздники преподносились исключительно как общественные мероприятия, которые следовало отмечать не в кругу семьи, а в кругу коллектива. Нередко к праздничным мероприятиям приурочивали открытие детских ясель или площадок [11, л. 25 об.].

К числу наиболее значимых праздников были отнесены даты

революционных событий. От старого праздничного календаря сохранился Новый год. Вводились: день 9 января 1905 года, празднующийся 22 января, низвержение самодержавия – 12 марта, дни Парижской Коммуны – 18 марта, Интернационала – 1 мая и Пролетарской Революции – 7 ноября. Постепенно количество советских праздников увеличивалось. В конце 1920-х годов в г. Таре праздновались Международный день кооперации, День печати, День Красной Армии, Международный день работницы (8 марта).

Алгоритм проведения того или иного праздничного мероприятия был однотипным, шаблонным. Если позволяли погодные условия, в дневное время проводились обязательные митинги с последующими манифестациями, шествиями, после – народные гуляния. Например, заседание комиссии по проведению Международного дня кооперации, которое состоялось от 19 июня 1928 года, определило такой порядок празднования в г. Таре: день гулянья в роще устанавливался 8 июля с 10 часов утра. Сборный пункт для участников праздника располагался на площади около окружкома ВКП(б), откуда празднующие направлялись в рощу для участия в летучем митинге. Все кооперативные организации к 6 июля должны были украсить свои помещения лозунгами и плакатами. Сельхозсоюзу было дано указание поставить в роще палатку с экспонатами местного производства – веялками, мебелью, принадлежностями пчеловодства и проч. Союзу охоты – устроить тир для стрельбы. Ставились палатки с прохладительными напитками и кухней, без спиртных напитков. Разрабатывался план развлечения детей на гуляния [11, л. 20].

Если же погодные условия не позволяли организовать массовый митинг на открытом воздухе, то мероприятия проводились в клубах, школах, детских домах. Проведение праздника Февральской революции в 1927 году проходило 12 марта и включало в себя массовые собрания по клубам города с повесткой дня: «10 годовщина Февральской революции и её значение», «Воспоминания участников». Пунктами для собраний стали клубы профсоюза, кино, клуб ИТД (исправительно-трудового дома), клуб нацмен.

Начало в 18 часов с бесплатными постановками и инсценировками, в кино – постановка живой газеты, в клубе профсоюза – хор.

По школам и детским домам проводились утренники с беседами, пением и декламациями. Стенгазеты выпускали специальные номера, посвящённые празднику Февральской революции и дню Парижской коммуны [10, л. 274]. Присутствие на торжественных собраниях партийцев и комсомольцев было обязательным [10, л. 278].

Формирование новой советской праздничной культуры в начале 1920-х годов проходило довольно мягко. До 1923 года документы Тарского уездного отдела просвещения совершенно не содержат сведений о какой бы то ни было антирелигиозной агитации и пропаганде. И только в 1923 году на конференции учителей Тарского уезда тов. Гинцель выступил с докладом «Наука и религия» [2, л. 6]. Но даже в этом докладе не было резких антирелигиозных посылов.

А уже через два года, в 1925 году, в программах и отчётах школ наряду с текущими вопросами стали рассматриваться и вопросы борьбы с религией. Здесь чётко разделялись агитация и пропаганда. Под агитацией подразумевались яркие и сильные способы воздействия, которые ставили своей целью взбудоражить «красное сознание». Например, живая шумная инсценировка, карнавал, зажигательные речи, а пропаганда – это научно углублённая систематическая работа, в которой главным орудием является книга. И если агитация как способ воздействия на чувство и интуицию среди детей и школьников могла применяться с большой осторожностью и в самых ограниченных размерах, то пропаганда должна была стать постоянной и неотъемлемой при работе с детьми [3, л. 54]. При такой работе рекомендовалось избегать того, что может оскорбить религиозное чувство верующих, чтобы не допустить со стороны ребят грубых насмешек и «крикливого задорного тона» в отношении к своим товарищам.

В плане работы агитационно-пропагандистского отдела Тарского уездного комитета РКП(б) на весенне-летний период 1925 года сказано: «Решительно отказаться от каких бы то ни было кампаний исключительно антирелигиозного характера, перенеся центр тяжести в область естественно-научных знаний, рекомендуя ячейкам использовать с этой целью учителя и агронома» [4, л. 169].

Ещё не вошло в обиход выражение «антирелигиозный», оно появилось чуть позже. При проведении антирождественской по сути кампании в начале 1925 года её называли «противорождественской» с празднованием «комсомольского рождества».

Эта кампания проходила с 25 декабря 1924 года по 7 января 1925 года. Для того чтобы обслужить антирелигиозной пропагандой дни отдыха 25 и 26 декабря, в тарских партийно-профессиональном клубе и в клубе «Молодая гвардия» проводился цикл массовых лекций на темы: происхождение религии, христианство и рождество, классовая сущность религии, медицина и религия. Были оформлены плакаты, лозунги и уголки безбожника. Проведение комсомольского рождества прошло по похожему сценарию. Центральная библиотека устроила выставку антирелигиозной литературы. Вечером 6 января в клубах «Молодая гвардия», партийно-профессиональном, военно-спортивном и в школах 2-й ступени прошли антирелигиозные вечера. Перед началом вечеров были заслушаны доклады на тему «Был ли Христос». А 7 января силами клуба «Молодая гвардия» после лекции «Медицина и религия» провели инсценировку «Политсуд над религией» [4, л. 105].

К концу десятилетия к насаждению новых праздников добавилась усиленная антирелигиозная борьба. Для этого участия учителей, библиотекарей и избачей оказалось недостаточно. Для организации и проведения советских празднеств привлекались широкие массы – партийцы, комсомольцы, рабочие, в обязательном порядке школьники.

Вся школьная антирелигиозная работа выстраивалась таким образом, чтобы мобилизовать внимание учащихся на необходимость активного участия в антирелигиозной борьбе среди родных и товарищей, чтобы этим самым превратить «все наши школы в боевые штабы воинствующего безбожия» [6, л. 59].

Среди школьников велась разъяснительная работа за сдачу в фонд индустриализации крестов, серёжек, колец, за отказ от рождественских ёлок. Одновременно с этим шёл призыв, чтобы все школы проявили широчайшую инициативу в устройстве субботников и сборе средств на постройку тракторной колонны и танка «Безбожник», а также, совместно с ячейкой СВБ и ВЛКСМ

провели бы заготовку дров для нужд беднейшего населения семей красноармейцев и общественно-культурных учреждений.

В тарских школах действовали кружки «Безбожник», «Юный безбожник». В 1929/1930 учебном году кружковцами планировалось прорабатывать сущность религиозных праздников, вести антирелигиозную постановку, устраивать читки газеты «Безбожник», вести вербовку новых членов, провести учёт религиозных ребят по анкетам [7, л. 9, 9 об; 8, л. 46]. Темы бесед звучали как «Бытовой праздник День урожая и вред церковных праздников», «Значение хлебозаготовок – отношение церковников и сектантов к заготовке», «Октябрьская революция и церковь», «Происхождение масленицы и вред поста», «Влияние церкви и закрепощение женщин» и др. [8, л. 44 об.]. Ученики давали обещание «вести агитацию среди родителей против религиозных праздников» [9, л. 4].

В плане работы кружка «Безбожник» школы № 5 г. Тары на 1930/1931 учебный год имеется «План проведения интернационального, безбожного, коммунистического воспитания в школе №5», целью которого было «превратить школьников в непримиримых борцов против религии» [8, л. 50 об.].

Школьниками велось множество тетрадей на заданную тему. Это и планирование работы кружка «Безбожник», и планы проведения антирелигиозных вечеров, тетрадь регистрации родителей, посещающих революционные торжества и демонстрации (вечера Октябрьских торжеств, присутствующих на демонстрации 7 ноября, посетивших антирождественские и антипасхальные вечера) и др. [8, л. 55–57].

С особым вниманием разрабатывались планы проведения антирелигиозных недель – антирождественской и антипасхальной. Школам рекомендовалось учить религиозные праздники для того, чтобы в этот день привлечь ребят в школу, заинтересовать их и отвлечь от самого праздника [12, л. 112].

В плане проведения антирождественского карнавала 7 января 1928 года говорилось: «Всем коллективам доводится до сведения, что сбор назначен на площади у Дома союзов в 6 часов вечера. Все коллективы собираются аккуратно к назначенному времени с факелами, со световыми лозунгами и карикатурами. На площа-

ди состоится митинг, после которого шествие следует по улице Свердлова до горкатка, где и заканчивает своё шествие, расхождение масс на каток, где будет организован бал маскарад» [6] (Ф. 166, оп. 1. д. 25, л. 54).

Омским РОНО по проведению антирождественской кампании (с 20 декабря 1929 года по 20 января 1930 года) от 22 декабря 1929 года были поставлены следующие цели: отвлечь от религии культурно-отсталые слои верующих трудящихся, вскрывая классовую сущность праздника Рождества и контрреволюционную деятельность поповско-сектанских проповедников; сосредоточить внимание соответствующих организаций, общественности и трудящихся на необходимости активной борьбы с религией; добиться 100% посещения школ и отказа от празднования Рождества. В ходе проведения кампании в школах устраивались художественные вечера, доклады, беседы, читки газеты «Безбожник». Организовывались утренники, развлечения на антирелигиозные темы. Велась разъяснительная работа за закрытие церквей и за отказ от приёма попа на дому [6, л. 59].

Во всех школах 25 и 26 декабря объявлялись днями учёбы, создавалась деловая обстановка, чтобы ребята не почувствовали праздничного настроения.

В 1929 году Пасха выпала на 5 мая. В связи с этим планировалось резко противопоставить Первомайский праздник празднику религиозному, «чтобы каждый рабочий, каждый служащий праздновал 1 Мая, а не Пасху, был на демонстрации и в клубе, а не на заутрени в церкви... В самом быту трудящихся дни 1 и 2 мая должны стать настоящим праздником. Чисто убранная квартира, праздничный костюм – все эти бытовые мелочи, вносящие радость и торжественность в семейную обстановку рабочего и служащего, должны быть использованы для бытового оформления Первомайского праздника. Пасхальные же дни – союза религии, обжорства, пьянства и хулиганства – должны превратиться в будни борьбы с этими язвами нашей культурной отсталости» [1, л. 12].

Антирелигиозная работа должна была опираться на местный, конкретный, злободневный материал. Пропагандисту-антирелигиознику предлагалось использовать в своей работе конкретные данные: количество верующих на своём предприятии, влияние

религиозных праздников на увеличение пьянства и хулиганства, а отсюда – вред для производства вследствие роста прогулов и понижения производительности труда. В 1932 году первый день Пасхи совпал с Днём печати. Было решено привлекать к разработке празднования самих рабочих, чтобы они включились в эту работу, предлагали свои идеи. Для этого в клубах, красных уголках, в цехах издавались не только стенгазеты, но и вывешивались ящик вопросов и ответов и книга пожеланий. Предлагалось провести конкурс в организациях на лучший лозунг, на лучшее декорирование здания. Формы работы использовали самые разнообразные – лекции, доклады, беседы, вечера вопросов и ответов, агитсуды, кино, радио, стенная, световая и живая газеты, инсценировки, эстрады, загадки, шарады, производственные и антирелигиозные викторины, лозунги, плакаты, диаграммы, выставки. Все эти формы вместе должны были «бить в одну цель». Как пример, предлагалось использовать плакат следующего содержания, дополненный местными материалами [1, л. 13]:

Как мы праздновали Пасху в прошлом году:

Выпито пива, водки и вина на ... рублей

Во время драк избито и искалечено ... рабочих

После праздников на работу не вышло ... рабочих

Производительность труда понизилась на ... %

Обязательно нужно было проводить «вечера воспоминаний» старых рабочих о работе на капиталистической фабрике, о праздновании 1 мая в период царизма и проч. Причём рекомендовалось не обставлять их официально и торжественно, так как товарищеская беседа группы рабочих, окруживших «старика», пройдет значительно проще и интереснее.

Все пять майских дней, с 1 по 5 число, должны были быть заполнены максимально разнообразными и интересными программами. Особо подчёркивалось, что в Пасхальную ночь, с 4 на 5 мая, гулянья должны продолжаться до 4 часов ночи и быть настолько интересными, «чтобы пришедший на них рабочий и служащий не ушел оттуда в церковь» [1, л. 13 об.].

Антирелигиозная агитация и пропаганда со своим многообразием форм и методов стала одним из инструментов государ-

ственной политики, направленных на искоренение религиозного мировоззрения у народа и формирование нового, советского человека. Наряду с этим попутно велась большая работа по замещению религиозной обрядности. На место старой религии должна была прийти «новая». Светское воспитание школьников вводило новую идеологию, с мощной пропагандой, которая должна была воспитать поколение безбожников. Теоретически пионерам ставилась задача бороться с религиозным сознанием и мировоззрением. Практически – происходила подмена старой религии на новую, революционную.

Вместе с тем, формировавшаяся новая праздничная культура содержала в себе элементы обрядовых действий, принятых в церковных и народных праздниках.

Так, например, использовались традиционные шествия – крестные ходы, принятые во время престольных праздников. Им на смену пришли демонстрации. Новое содержание и оформление традиционных шествий вызывало интерес, любопытство. Идти в первых рядах демонстрантов было очень почётно.

У крестьян проведение многих обрядов сопровождалось пением. На советских праздниках оно носило революционное содержание – пели «Интернационал». Песни создавали приподнятое настроение, привлекали зрителей, формировали ощущение важности происходящих событий.

Флаги, лозунги, портреты политических деятелей становились знаками новой праздничной культуры. Здания и трибуны украшались зелёными ветками, «триумфальными арками» из сосновых веток, которые традиционно использовались в народных празднествах.

Лозунги разрабатывались различных тематик, по самым актуальным вопросам. Так, в период проведения антипасхальной кампании в 1927 году использовались лозунги: «Огни культурной революции затмят тусклый свет церковных пасхальных свечей!», «Рвите с религией, идите в ряды воинствующих безбожников», «Долой сказку о всемогуществе богов. Выполним пятилетку в 4 года!» [5, л. 59]. К 7-летию Международной детской недели: «За нами стройными рядами шагай под знамя Октября!», «Наш

пламенный пионерский привет Германской делегации детей, приехавшей на празднование МДН в СССР» и проч. [5, л. 17].

Но не все формы советских празднеств имели место в г. Таре. Пропагандируемые большевиками «красные» свадьбы, похороны, крестины-октябрины не нашли массового применения в стране. Если в г. Омске имелись единичные случаи «красных крестин», то в Тарском уезде и округе в 1920-е годы не удалось выявить ни одного подобного мероприятия.

Способы и методы проведения новых советских праздников в 1920-е годы свидетельствуют о значительном внимании большевиков к их внедрению в повседневную жизнь общества. Праздники рассматривались как один из методов закрепления новой идеологии. Пропаганда новых ценностей сочеталась с отрицанием старых: велась целенаправленная кампания по разрушению народной культуры, её самобытности. В то же время для достижения поставленных целей использовались сложившиеся традиционные формы, простые и эмоциональные конструкции, понятные простому народу. В начале 1930-х годов праздничные мероприятия приобрели большую организованность и обязательный характер.

1. ТФ ГИАОО (Тарский филиал Государственного Исторического архива Омской области). Ф. Р-80 (Тарское окружное бюро профессионального союза Тарского округа Сибирского края). Д. 99.

2. Там же. Ф. Р-127 (Отделение народного образования общего отдела исполнительного комитета Тарского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Д. 152.

3. Там же. Д. 197.

4. Там же. Д. 211.

5. Там же. Ф. Р-166 (Тарская советская трудовая школа I ступени №4). Д. 16.

6. Там же. Д. 25.

7. Там же. Д. 31.

8. Там же. Д. 36.

9. Там же. Д. 41.

10. Там же. Ф. Р-228 (Отдел народного образования исполнительного комитета Тарского окружного Совета депутатов трудящихся Тарского округа Омской области). Д. 78.

11. Там же. Д. 81.

12. Там же. Д. 113.